

Bel canto

СПОР О ПОЛЬЗЕ и вреде вокальных состязаний, видимо, не утихнет никогда. Поэтому пора бы уж принимать многочисленные вокальные «компетишны» такими, как они есть. И если у зарубежных участников интерес к подобным полуспортивным соревнованиям постепенно угасает (теперь достаточно выступить в одном театре, как международная менеджерская связь, действующая куда быстрее почтовой и факсовой, оповестит соответствующие уровню певца сцены), то для молодых российских певцов участие в зарубежных конкурсах оста-

нкурса теноров имени Юси Бьёрлинга, а теперь отличился и в Барселоне, хотя Гран-при среди мужских голосов в этот раз не присуждали. Любый меломан согласится со мной, что Майсурадзе уже состоявшийся артист. В его отношении к создаваемому образу есть та очаровательная спонтанность, которая облагораживает всякий выход певца на сцену. Только самый настоящий провинциализм не позволил, я думаю, завоевать ему Гран-при. Порой певец не хочет отказать себе в удовольствии продемонстрировать громкогласное форто или эффектное пианиссимо (которому могли бы позавидовать великие «три тенора»), даже когда это идет вразрез с образом. В арии Ричарда из «Балла-маскарада» Верди, в целом исполненной с блеском, присущим

ОПАСНОСТЬ ОСТАТЬСЯ

Лауреаты Барселоны поют в Москве

тается единственной возможностью получить зарубежные контракты.

Поэтому неудивительно, что Наталья Троицкая, в свое время собственными силами преодолевшая извилистую дорогу на оперный небосклон, и ее Благотворительный культурный фонд российского «Кредо банка» второй год подряд помогают молодым певцам из России попытать счастья на конкурсе имени Франсиско Виньяса. А в начале декабря в концертном зале Академии им. Гнесиных состоялся концерт лауреатов барселонского соревнования 1993 и 1994 гг. Из шести лауреатов, выступивших в концерте, в первую очередь хочу вспомнить троих «главных».

Ирина Чистякова (меццо-сопрано, Гран-при 1993 г., специальный приз за лучшее меццо-сопрано). В наши дни, когда мода на высокие «россиниевские» голоса настолько захлестнула оперный мир, что буквально некому петь Кармен, полнокровное меццо-сопрано кажется уже подарком небес. Тем более что у Ирины Чистяковой и прекрасные верхние ноты, и тембристая окраска во всех регистрах, и большой диапазон. Песня и ария Эболи из вердиевского «Дон Карлоса»: во всем выступлении чувствовались раскованность и мастерство. Правда, не всегда голос достаточно подвижен (особенно это чувствовалось в выходной арии), а в каватине Кончаковны из «Князя Игоря» Бородина певице не хватало восточной чувственности. И хоть каватина позволила певице показать великолепные нижние ноты, контральтовый репертуар все же не для нее. Остается пожалеть, что театр «Новая опера» навсегда расстался с Чистяковой.

Лариса Рудакова (сопрано, Гран-при 1994 г.). Голос молодой солистки Большого театра не похож на многие колоратурные сопрано, столь популярные в нашей стране. Большой диапазон и красивый, насыщенный нижний регистр — его достоинства. Правда, в каватине Семирамиды из оперы Россини ему не хватало подвижности, легкости, верхние ноты прозвучали слишком резко. Но кто в наше время берется за эту партию? Абсолютные примадонны (Джоан Сазерленд и Черил Стюдер) или... участницы конкурсов молодых вокалистов. Желание спеть эффектную арию не всегда оказывается подкрепленным техникой и образностью исполнения. Но свои потенциальные возможности Рудакова мастерски выявила в арии из «Луизы» Шарпантье. Полуверистский репертуар, противопоставленный колоратурным сопрано, на этот раз оказался доступным для драматического тембра певицы, образ обманутой молодой француженки был стилистически точен, а кантиленность знаменитой арии безупречна. К сожалению, ария Марфы из «Царской невесты» Римского-Корсакова прозвучала невыразительно и бесчувственно. Что и говорить: в родном театре теперь нет артистов, у которых могла бы поучиться начинающая победительница барселонского конкурса.

Бадри Майсурадзе (тенор, 2-я премия 1994 г.). Солист Тбилисского театра оказался в этом году за чертой финалистов конкурса имени Чайковского, но за полгода, прошедшие с тех пор, успел спеть партию Самозванца в «Борисе Годунове» Мусоргского в Амстердаме, получить третью премию ко-

Наталья Троицкая в партии президента Благотворительного Фонда культуры.

лучшим итальянским тенором, явно не хватало пения «мецца воче». В плаче Федерико из «Арлезианки» Чилеа от фантастических, почти нереальных пианиссимо перехватывало дыхание, но постепенно пришло отрезвление: чрезмерное увлечение «тихим пением» сводило на нет усилия певца, пиано на фоне пиано терялось. И опять не хватало «мецца воче». И уже совсем не следовало петь романс Рахманинова «Весенние воды» со вставными нотами и в стилистической манере Бьёрлинга, певца великого, но не имевшего никакого отношения к русским романсам, в которых демонстрация «верхов» не является самым важным.

В былые годы лауреаты музыкальных конкурсов, возвращаясь в Россию с радужными надеждами, наталкивались на отсутствие к ним интереса. Неумолимая Наталья Троицкая положила начало новой традиции. Конечно, для **Маргариты Некрасовой**, стажера «Новой оперы» (меццо-сопрано, 3-я премия 1994 г., специальный приз за лучшее исполнение русской музыки, учрежденный президентом «Кредо банка» Юрием Агаповым), выступление в Москве не было самым лучшим, хотя ее красивый голос запоминается сразу. Неудачно выступил и **Павел Данилюк**, бас из Нижегородского театра (3-я премия 1993 г.), выступление которого на конкурсе имени Чайковского выглядело куда интереснее, чем «попевки» его «одноголосников», ставших лауреатами. (Данилюк, кстати, должен был петь в «Соловье» Стравинского на Зальцбургском фестивале этого года, но выступление не состоялось.)

«Концерт удался на славу», — написал бы досужий репортер. Критику всегда хочется заглянуть дальше дня сегодняшнего. Молодые солисты оперных театров на этом этапе своей творческой судьбы добились успеха. Благодаря своему таланту, педагогам, энтузиазму Благотворительного фонда культуры и Натальи Троицкой. Что дальше? Конечно, Бадри Майсурадзе, с которым заключил контракт театр Флоренции, за пару сезонов работы с нормальными дирижерами и режиссерами сможет достичь большего. Ну а те, кто остается в России, где большинство оперных театров «взрывоопасны»? Кто из них станет мастером, будет радовать нас каждой новой партией, каждым сольным концертом, о которых захочется написать рецензии, в финале которых победительная точка заключит самую желанную для артистов фразу: «Концерт удался на славу»?